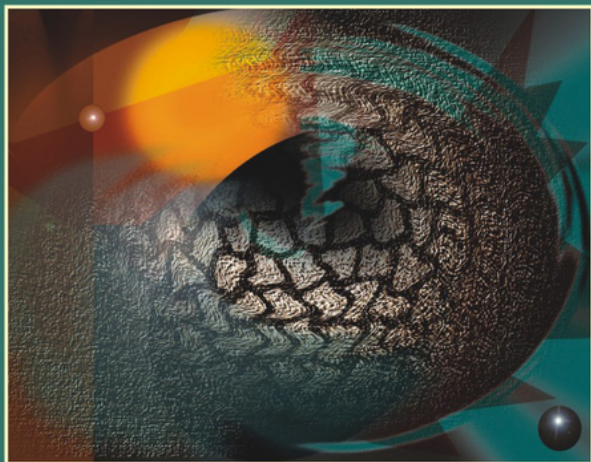


ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ

Е.И. Головаха
А.А. Кроник



Евгений Иванович Головаха
А. А. Кроник
Психологическое
время личности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12005542

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ: Смысл; Москва; 2008
ISBN 978-5-89357-248-3

Аннотация

В монографии предложена причинноцелевая концепция психологического времени, на основе которой исследуются различные формы переживания прошлого, настоящего и будущего, психологический возраст, механизмы временной саморегуляции личности.

Для научных работников, преподавателей, студентов вузов.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I.	25
1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ	28
2. СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ СИТУАТИВНОГО МАСШТАБА – К БИОГРАФИЧЕСКОМУ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Головаха,

А. Кроник

Психологическое время личности

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шить; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

Екклесиаст

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первый вариант этой книги был сдан в набор в 1983 году. Задача книги, сформулированная в заключении: определить новые аспекты теоретического и эмпирического исследования психологического времени и разработать понятия, гипотезы и методы, которые дадут стимул к новым поискам. Двадцать пять лет спустя можно с уверенностью утверждать, что наша задача выполнена – появилось более сотни научных исследований и публикаций, развивающих идеи и методы причинно-целевой концепции психологического времени, которая была предложена в книге. Список этих работ содержится в приложении.

Но если задача выполнена, возникает вполне резонный вопрос: «Необходимо ли переиздание книги?» По-видимому – да!

Во-первых, книга стала библиографической редкостью, и те, кто продолжает или начинает сегодня исследования психологического времени, безуспешно ищут ее в библиотеках, на распродажах, в интернете (пользуясь недобросовестно сделанными копиями отдельных глав).

Во-вторых, после первого издания книги было опубликовано много статей, вызвавших заинтересованные отклики в

массовой аудитории. Некоторые из этих статей, представленных в приложении и показывающих разнообразие индивидуальных переживаний времени и обратную связь с читателями, мы считаем интересными для новых читателей нашей книги.

В-третьих, в настоящее издание добавлена глава «Понятие психологического времени». В этой главе, представленной ранее в виде отдельной статьи (*Головаха, Кроник, 1988*), подытожены основные идеи и результаты. Определение понятия «психологическое время» становится выводом из всех предыдущих концептуальных и теоретических положений, методических находок и эмпирических фактов, некоторые из них нам придется повторить на новом уровне их осмысления.

Авторы искренне благодарны всем, кто участвовал в наших исследованиях и продолжает их сейчас самостоятельно.

Евгений Головаха, Александр Кроник

ВВЕДЕНИЕ

Познать время и овладеть временем – это задачи, решение которых имеет важнейшее значение для развития человеческой культуры, общества и личности. Современные достижения науки и техники открыли возможности точного измерения времени. Однако достаточно ли календарей и самых совершенных хронометров для рациональной организации и использования времени в практической деятельности и повседневной жизни? Во многом – да. Благодаря таким свойствам хронологического времени, как равномерность, непрерывность, необратимость, возможна синхронизация событий, происходящих в природе и обществе, четкая фиксация их последовательности и длительности. Но не всякое время может быть сведено к хронологии. И прежде всего это относится ко времени человеческой жизни. Именно о времени жизни, его отражении в переживании личности, о способах его измерения и регуляции – эта книга.

Само понятие «хронологическое время», которое прочно вошло в современную науку, могло бы показаться тавтологическим в ньютоновскую эпоху, породившую концепцию абсолютного времени, определяющего единый временной характер протекания любых процессов независимо от их содержания и измеряемого с большей или меньшей точностью. В результате этого картина исторического прогресса в отно-

шении человека ко времени рассматривалась лишь в связи с совершенствованием измерительных средств— от примитивных клепсидр и солнечных часов древнего мира, огненных хронометров и монашеских четок средневековья до все более точных механических часов, от многообразия календарей, обусловленных культурно-историческими традициями, до единого рационального общечеловеческого календаря.

То, что казалось очевидным и неопровержимым для науки одного исторического периода, превращается в сложную и волнующую проблему на новом этапе развития научного знания. В значительной мере это относится к постановке и решению проблемы времени. По мере развития конкретных научных дисциплин все более ощутимые сбои стал давать, казалось бы, вечный и неизменный хронометр вселенной — абсолютное ньютоновское время. Совершенный Эйнштейном переворот в физике заставил мир прислушаться к ускоряющимся и замедляющимся собственным часам движущихся систем, а дальнейшее развитие физики элементарных частиц, квантовой механики поставило вопрос о возможности нарушения считавшихся ранее универсальными свойств времени на уровне микромира (*Мостепаненко, 1974*).

Универсальная хронология оказалась недостаточным средством развития научного знания о временном функционировании систем и в тех отраслях науки, где исследовались макроуровневые процессы в неживой природе. Возникла необходимость в изучении специфики геологическо-

го времени, в разработке системы и единиц его измерения (*Косыгин и соавт.*, 1974), а также в создании собственных временных шкал для измерения географических процессов (*Харвей*, 1974, с. 407).

Развитие эволюционной теории, генетики, физиологии подготовило почву для изучения биологического времени как собственного времени биосистем, обусловленного спецификой пространственной среды их функционирования и закономерностями развития живой природы (*Вернадский*, 1966). Подтверждением концепции биологического времени стало открытие биологических часов – физиологических процессов, задающих ритм жизнедеятельности организма (только в человеческом организме насчитывается до 100 различных биологических часов) (*Чуприкова, Митина*, 1979, с. 16). Результаты многочисленных исследований в данной области позволяют говорить об объективном характере биологического времени и его неоднозначной взаимосвязи со временем физическим (*Багрова*, 1980, с. 13).

Как природный организм человек подчинен закономерностям биологического времени, однако решающая роль в формировании отношения человека как личности ко времени принадлежит социальным детерминантам: структуре и содержанию времени человеческой истории и конкретного общества, времени социальных групп и слоев, в которые включена личность, а также ее собственному времени, в котором под воздействием указанных факторов и индиви-

дуальных особенностей жизненного пути образуется сложная взаимосвязь событий прошлого, настоящего и будущего. Собственным временем обладают физические объекты (для земной коры, например, это время ее эволюции, формирования различных слоев), живые организмы (время жизненного цикла индивида или популяции), однако собственное время в социальном смысле – это не только условие человеческой жизнедеятельности, но вместе с тем и ее продукт, живая ткань самореализации субъекта. Собственное время субъекта имеет особую меру, обусловленную его содержанием, и не сводимо к «формальному течению времени» (Иванов, 1977, с. 137). Следует иметь в виду, что собственное время личности интегрирует в себе как объективные временные отношения (природные и социальные), так и субъективное отражение этих отношений в процессе восприятия изменений, оценки длительности и последовательности событий, переживания отдельных свойств времени, формирования целостного отношения личности ко времени ее жизни. Субъективная сторона собственного времени личности является предметом психологического исследования, тогда как объективные социально временные отношения личности, ее бюджет времени, а в более широком масштабе «бюджет жизни», находятся в сфере интересов социологов и экономистов. Таким образом, собственное время личности в психологическом аспекте – это субъективное время, данное в переживании. Однако в наиболее общем значении – это со-

циальное время, в той мере, в какой содержание человеческой психики является освоенным в практической деятельности социальным опытом. В связи с этим категория социального времени выполняет важнейшую методологическую функцию при изучении собственного времени личности в его субъективном аспекте.

В чем же заключается специфика социального времени, каковы временные закономерности исторического процесса, общественного и индивидуального бытия человека? Уже более ста лет эти вопросы находятся в сфере внимания философов, социологов, историков, культурологов, психологов. Интерес к ним постоянно возрастает под влиянием динамики социальных процессов в современном мире. В западной философии с именами Кьеркегора, Дильтея, Гуссерля, Бергсона, Хайдеггера, Сартра связан глубокий переворот в понимании времени не просто как физического условия человеческой жизнедеятельности, а как внутренне организующего фактора, определяющего для субъекта целостность его жизненного процесса, динамическое единство прошлого, настоящего и будущего в сознании и деятельности.

В феноменологии, философии жизни, экзистенциализме акцент ставится не на существовании человека во времени, а на существовании времени в человеке как субъекте собственного жизнеосуществления. Благодаря усилиям представителей этих философских школ «бог времени Хронос» вынужден был покинуть свое привычное место и поселиться

в беспокойном жизненном потоке. Хроносу пришлось пережить серьезные трудности и неопределенность положения, поскольку выраженный иррационализм побеспокоивших его философов оказался камнем преткновения в научном решении проблем человеческого времени.

Социальное познание прошло долгий путь, прежде чем выкристаллизовалось ясное понимание того, что для круговращения небесных тел и движения общественных процессов не существует единой универсальной временной меры. И если в масштабе античной и средневековой вечности или бесконечного абсолютного времени Ньютона «временность» индивида может восприниматься лишь в качестве ограниченности возможностей его самореализации, то в масштабе неограниченного времени общественного прогресса оптимальная реализация жизненного времени становится для человека условием преодоления собственной ограниченности. Поэтому развитие теории социального прогресса находится в тесной связи с дальнейшим исследованием социального времени, его различных уровней и масштабов. На рубеже 1960–70-х годов появился ряд крупных работ по проблеме социального времени в социологическом аспекте (*Болгов*, 1970; *Елизарьев*, 1969; *Зборовский*, 1974), главным образом в связи с изучением бюджета времени. Активно разрабатывается категория исторического времени в исследованиях философов, историков, культурологов (*Грушин*, 1961; *Гуревич*, 1969; *Есипчук*, 1978; *Лосев*, 1977; *Поршнев*, 1974). В

последние годы опубликованы монографии (*Лой, 1978; Яковлев, 1980; Яценко, 1977*), в которых определена специфика общепhilософского подхода ко времени как форме социального бытия и категории человеческого сознания. Рассмотрены также вопросы времени индивидуального бытия, собственного времени личности во взаимосвязи его объективных и субъективных компонентов (*Сэв, 1972; Яковлев, 1980*).

Таким образом, современному уровню научных знаний о природе и обществе соответствует представление о том, что временные закономерности различных процессов обусловлены качественными характеристиками этих процессов, что хронологическое время, отражающее равномерные циклические процессы в физических объектах, является условной мерой для развивающихся систем, в том числе и социальных, с присущим им собственным временем, соответствующим специфике практической деятельности и сознания людей. Следовательно, особый характер приобретает и время психических процессов, время в восприятии, переживании и сознании человека, которое получило название субъективного, или психологического. Однако, если это время обладает собственными свойствами, отличительными от тех, которые мы привычно фиксируем во времени хронологическом, то в чем они проявляются и каким образом могут быть обнаружены?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примеру:

проследив за полным оборотом секундной стрелки, каждый наблюдатель сделает вывод о том, что прошедшее за этот период время исчисляется шестьюдесятью секундами, или одной минутой. Вывод правильный для всех, кто имеет точный хронометр и умеет с ним обращаться. Теперь же попытаемся отмерить одну минуту, не глядя на часы, или оценить в хронологических терминах небольшой временной интервал неизвестной нам длительности, то есть обратимся к внутренним часам, механизм которых заключен в определенных психических процессах, а циферблат – в субъективных шкалах переживания времени. Оказывается, отмеривание и оценка интервалов (методы исследования, используемые в нашем примере) обнаруживают достаточно устойчивую тенденцию несовпадения объективных временных интервалов и субъективных данных. Одни испытуемые склонны переоценивать длительность интервалов в пределах минуты, при этом, отмеривая, как правило, более короткие, чем заданные, промежутки времени; для других испытуемых характерна противоположная тенденция – недооценка, а также отмеривание больших интервалов (*Рубинштейн*, 1946, с. 266; *Лисенкова*, 1968). Следовательно, для одних людей небольшие интервалы времени субъективно растягиваются, а для других – сжимаются, и это, по-видимому, объясняется существованием относительно устойчивых индивидуально-психологических единиц отсчета времени. Некоторые исследователи в связи с этим говорят о существовании

собственного эталона времени – «индивидуальной минуте», являющейся достаточно устойчивой величиной, свойственной каждому конкретному лицу и отражающей индивидуальные особенности отсчета временной длительности (*Моисеева, Сысцев, 1981, с. 104*).

До сих пор речь шла о так называемых пустых интервалах времени безотносительно к деятельности индивида и его психическим состояниям. Многочисленные исследования, однако, обнаруживают связь между субъективной длительностью времени и характером деятельности испытуемых, их отношением к последней, уровнем мотивации и эмоциональным состоянием. Были установлены общие закономерности: чем выше уровень активности и мотивации, чем больше интереса вызывает работа, чем более целостной, интегрированной является задача, тем относительно короче при прочих равных условиях кажется длительность времени (*Фресс, 1978*). Надежность полученных данных служит основанием для постановки вопроса о специфической природе и свойствах психологического времени. Вместе с тем полученные результаты, на наш взгляд, не слишком впечатляющи, поскольку они касаются лишь одного аспекта проблемы психологического времени – восприятия и оценок длительности интервалов, как правило, не превышающих нескольких минут. Однако данным аспектом проблема субъективного времени не исчерпывается. Не менее существенным является другой, связанный со всей полнотой переживания вре-

мени и отражающий содержание духовного мира индивида, формирующегося в мире социальных отношений. Благодаря этому время в сознании людей «летит» или «тянется», может быть «обретенным» или «потерянным», «сжатым» или «растянутым», «счастливым» или «недобрым», «организованным» или «хаотичным», «застывшим» или даже «текущим вспять». Такого рода характеристики времени широко представлены в художественных произведениях и в наших обыденных высказываниях. В психологии они практически не исследовались, хотя в ряде работ по истории культуры показано, как под воздействием концепций времени, свойственных различным историческим эпохам и культурам, формируется специфика и многообразие индивидуальных переживаний времени (Гуревич, 1971; Лосев, 1977; Лихачев, 1979).

Приведенные выше результаты психологических исследований касались лишь одного, наиболее ограниченного масштаба психологического времени – *ситуативного*, в котором осуществляется непосредственное восприятие и переживание коротких временных интервалов. На основе закономерностей, проявляющихся при возникновении и смене непосредственных форм переживания времени в различных жизненных ситуациях, в сознании человека может сформироваться определенная система обобщенных временных представлений, являющаяся своеобразной концепцией времени личности в масштабе ее жизни. Это – *биографический*

масштаб, который задается временем жизни в целом, то есть хронологическими границами индивидуального существования человека и его представлениями о наиболее вероятной продолжительности своей жизни. В основе этого представления лежат такие факторы, как средняя продолжительность жизни человека в конкретных социально-исторических условиях, продолжительность жизни старшего поколения семьи, состояние здоровья и общее, оптимистическое или пессимистическое, умонастроение человека. Время жизни задает границы индивидуального жизнеосуществления, но кроме «времени для жизни» у человека есть и «время жить» (Сэв, 1972, с. 481), которое связано с реальным использованием «времени для жизни» и является не абстрактной продолжительностью жизненного процесса, а собственным временем личности. Концепция времени личности отражает психологические закономерности, обусловленные реальным использованием времени жизни.

В биографическом масштабе суждения об отдельных переживаниях времени в интегративном виде распространяются на жизнь в целом или на ее отдельные этапы. Примерами такого рода суждений являются распространенные в обыденном сознании высказывания о скоротечности молодости, о том, что время с годами движется все быстрее; концептуальное отношение ко времени в биографическом масштабе может выражаться в идиоматической форме, например, в суждениях типа «прожил много, да пожил мало» и т.п.

Глубина концептуального осмысления времени¹ зависит от общего уровня развития индивида, содержания его духовного мира. В связи с этим существенно различаются концепции времени взрослого и ребенка, представителей различных социальных общностей, культур и исторических эпох (Кон, 1978а, с. 287–294).

Индивидуальная жизнь в сознании человека не ограничивается рамками непосредственного существования, она рассматривается также и в *историческом масштабе*, когда события, происходящие до рождения индивида, и те, которые произойдут после его смерти, вовлекаются в сферу временных отношений и выступают условием формирования личностной концепции и непосредственных переживаний времени. Наиболее традиционной формой осознания времени в историческом масштабе является представление о генеалогической преемственности, когда в качестве прошлого индивид рассматривает жизнь своих предков, в качестве настоящего – собственную жизнь, а в качестве будущего – самостоятельное существование детей, внуков и т.д. Таковы принятые в традиционных культурах способы усвоения временных отношений прошлого на основе изучения детьми их родословной вплоть до двадцатого поколения (Туви, 1980, с. 27); в средневековье этой же цели служили разветвленные генеалогические древа феодальной знати. Временные отношения

¹ Используемое нами понятие "концептуальное осмысление времени" специально анализируется В.П. Яковлевым (1980, с. 52).

исторического будущего в аспекте генеалогической преемственности объективно включались в деятельность человека посредством системы экономического наследования и субъективно усваивались в той мере, в какой родителям была небезразлична дальнейшая судьба их потомства. В наиболее широком плане психологическое время личности в историческом масштабе – это освоение индивидуальным сознанием временных отношений и закономерностей человеческой истории, в результате которого историческое будущее предстает в глазах индивида как его собственное будущее, как возможность преодоления ограниченности времени индивидуальной жизни.

В определенных случаях различные масштабы психологического времени совмещаются. Так, может возникнуть ситуация, в которой личность переживает время в масштабе истории, если эта ситуация порождена переломными событиями общественной жизни. Это – ситуация подвига, героического поступка, решающего революционного действия, когда человек отчетливо осознает, что исторический процесс осуществляется и в его собственном времени и пространстве, «здесь» и «сейчас». Исторический масштаб совмещается с индивидуальной концепцией времени в сознании выдающихся представителей культуры определенной эпохи. Ярким примером может служить Гете, который, по его собственному признанию, «стал для себя историчным» (Гете, 1969, с. 4), то есть время собственной жизни рассматривал

как время истории, ибо ясно осознавал историческое значение своих произведений, поступков, мыслей. И наконец, совмещение ситуативного и биографического масштабов происходит в критических жизненных ситуациях, когда в переживании нескольких минут или часов укладывается время всей человеческой жизни. Такую ситуацию по собственным переживаниям перед казнью описывает Достоевский: «Выходило, что остается жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней, что еще сейчас нечего и думать о последнем мгновении...» (Достоевский, 1982, с. 65). Аналогичные переживания перед выполнением смертельно опасного боевого задания испытывает герой произведения Хемингуэя «По ком звонит колокол»: «Может быть, это и есть моя жизнь, и вместо того, чтобы длиться семьдесят лет, она будет длиться только сорок восемь часов... Странно, что такое слово, как “сейчас”, теперь означает весь мир, всю твою жизнь» (Хемингуэй, 1968, с. 287).

Таким образом, три выделенных выше масштаба психологического времени – ситуативный, биографический, исторический – взаимосвязаны. Некоторые, наиболее значимые для индивида ситуации, сопровождающиеся специфическими формами переживания времени, приобретают статус жизненно важных событий, которые становятся вехами на жизненном пути человека. Их содержание определяет ос-

новное содержание человеческой жизни, а взаимосвязь — отношения длительности и последовательности, принадлежности к прошлому, настоящему и будущему — временную структуру жизни, на основе осознания которой формируется индивидуальная концепция времени. В свою очередь, сопоставление собственной жизни с масштабами истории, вплетение ее в событийную цепь исторического процесса накладывает особый отпечаток и на ситуативные переживания времени, и на концепцию времени личности в целом. В связи с этим в последующих главах данной монографии рассмотрены историко-культурные основы и психологические механизмы переживания и концептуального осмысления времени личностью.

Авторы поставили перед собой задачу раскрыть механизмы, лежащие в основе тех свойств психологического времени, которые пока еще не стали предметом научного исследования. Предпринята попытка теоретически обосновать один из подходов к построению теории психологического времени личности и на его основе разработать методы экспериментального исследования. Такая теория должна не только систематизировать содержательные характеристики психологического времени, но и определить количественные корреляты этих характеристик: единицы измерения и соответствующие показатели временных отношений длительности и последовательности, прошлого, настоящего и будущего, а также указанных выше свойств психологического времени.

В настоящей работе исследование в основном сосредоточено на психологическом времени личности в биографическом масштабе, или в масштабе времени жизни, поскольку личностная концепция времени в интегрированной форме отражает и специфику индивидуальных переживаний времени в ситуативном масштабе, и представления личности о времени ее жизни в масштабе историческом.

Проблема психологического времени в масштабе человеческой жизни получила теоретическое обоснование в работах П. Жане, Ш. Бюлер, К. Левина, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева. В последние годы интерес к ней постоянно возрастает, увеличивается количество теоретических и эмпирических исследований в данной области. Вопросы, связанные с содержанием этих исследований, специально рассмотрены в главе, посвященной становлению и развитию научного подхода к проблеме психологического времени.

Принятый в психологических исследованиях и ставший традиционным общетеоретический подход к изучению механизмов восприятия и осознания личностью времени можно назвать «событийной концепцией психологического времени», согласно которой особенности психического отражения человеком времени, его скорости, насыщенности, продолжительности зависят от числа и интенсивности происходящих в жизни событий – изменений во внешней среде (природной и социальной), во внутреннем мире человека (мыслях и чувствах), в его действиях и поступках. Однако в рам-

ках событийной концепции в ее исходном виде не получили удовлетворительного решения такие фундаментальные проблемы, как определение границ и содержания психологического настоящего, взаимосвязь прошлого и будущего, субъективная обратимость течения времени, механизмы формирования определенных временных свойств психической деятельности.

В данном исследовании авторы показывают, что ответы на поставленные выше вопросы могут быть получены путем анализа событий не самих по себе, а в их взаимосвязи. В соответствии с предлагаемой нами *«причинно-целевой концепцией психологического времени»* особенности отражения личностью временных отношений в масштабе жизни определяются ее представлениями о характере детерминации одних значимых жизненных событий другими. Эмпирическая проверка этой концепции осуществлялась на основе специально разработанного нами метода (каузометрии), с помощью которого возможно измерение и регуляция психологического времени личности.

Основные концептуальные положения и методы исследования, представленного в монографии, были разработаны авторами совместно. Отдельные разделы написаны: введение, гл. 1, 2 (§ 1) – Е.И. Головахой; гл. 3, 4 – А.А. Кроником; гл. 2 (§ 2), 5, 6, 7, заключение, приложения – совместно.

Авторы выражают искреннюю благодарность Н.В. Паниной за ряд ценных рекомендаций, Л.С. Финкелю и Ю.И. Яко-

венко, оказавшим большую помощь в математической обработке эмпирических данных, О.С. Чичкевич, взявшей на себя труд по подготовке таблиц и рисунков, а также редакторам – Л.В. Сохань и И.В. Прусс, и рецензентам – В.А. Роменцу, В.Е. Хмелько, М.И. Алексеевой, В.И. Паниотто, работа которых способствовала совершенствованию текста монографии.

ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

На Человеке-Горе оказалось еще два кармана... из правого кармана спускается большая серебряная цепь; она прикреплена к диковинной машине... Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество... Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни.
Дж. Свифт «Путешествия Гулливера»

На протяжении длительного исторического периода от цивилизаций древности до Нового времени в искусстве и философии предпринимались попытки осмыслить закономерности человеческого времени, рассмотреть их в сложном переплетении событий и судеб людей. Человек жил во времени своей эпохи и стремился объяснить особенности переживания времени и определить отношение к нему в духе этой эпохи. В зависимости от конкретных культурно-исто-

рических условий время могло выступать и в форме безропотного принятия предначертаний судьбы в ожидании благоприятных возможностей, открываемых временем, и в форме активного деятельного наполнения времени собственным жизненным содержанием.

До середины XIX века о времени как факторе человеческой психики было известно только то, что по этому поводу высказывалось в философских и художественных произведениях. Как правило, суждения носили умозрительный характер и по сути являлись афористически выраженным обобщением обыденного опыта. Их основное содержание заключалось в том, что время – индивидуальная ценность, потеря его невосполнима, а течение неравномерно и зависит от характера и возраста человека, его поступков и особенностей жизненных ситуаций. Главное же для индивида – уметь правильно распоряжаться временем, не растрачивать его на пустые занятия, не отставать от времени и не опережать его, согласовывая темп своей жизнедеятельности со «скоростью» времени. Об этом говорили Гесиод и Платон, Сенека и Марк Аврелий, Данте и Монтень, Гете и Франклин, Достоевский, многие другие выдающиеся философы и художники различных эпох и народов².

Отдельные наблюдения, в которых фиксировалась зависи-

² Разумеется, все эти представления сформировались не сразу и были приняты не во всех культурах. Вопрос об их культурно-исторической обусловленности рассмотрим в следующей главе.

мость переживания времени от конкретных жизненных ситуаций, например замедление времени при ожидании или неравномерность его течения в зависимости от масштаба происходящих событий, не становились и не могли стать (в силу ограниченности научных представлений о психических явлениях) предметом теоретических обобщений, раскрывающих природу психологического времени.

Пытаясь понять сущность и закономерности человеческого времени, мыслители прошлого сталкивались с ситуацией, которую наиболее ярко описал на рубеже 4–5 вв. Августин: «Что обыкновеннее бывает у нас предметом разговора, как не время? И мы, конечно, понимаем, когда говорим о нем или слышим от других. Что же такое, еще раз повторяю, что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но, как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» (*Антология...* 1969, с. 586).

Трудности в понимании природы времени в целом и психологического в частности не могли остановить процесс накопления фактов и наблюдений, которые к моменту формирования психологии как самостоятельной науки являлись достаточно устойчивым элементом духовной культуры, стимулировавшим поиск научных методов исследования психологического времени. Анализу истории и современного состояния научных исследований психологического времени посвящена данная глава.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Впервые психологические закономерности переживания человеком времени были строго сформулированы Кантом. В истории философии с именем Канта связана концепция трансцендентальной идеальности времени как априорного условия чувственного созерцания. Такое понимание времени является достоянием «критического» периода философии Канта. Его оценке в свете современных естественно-научных и социальных знаний уделено достаточное внимание в философской литературе (Аскин, 1966; Лой, 1978 и др.). Ценные же для понимания психологического времени идеи Канта еще не стали предметом специального анализа. В своих ранних произведениях он подчеркивал, что отношение ко времени и его переживание находятся в зависимости от характера деятельности различных субъектов: «Потребность во времени есть нечто относительное, узнать и понять которое можно, лишь сравнивая величину предполагаемого дела со скоростью его исполнения. Поэтому один и тот же промежуток времени, который для одного рода существ кажется лишь мгновением, для другого может оказаться весьма продолжительным временем, в течение которого благодаря быстроте действий происходит целый ряд изменений» (Кант, 1963, с. 255).

Хотя Кант использовал это положение для доказательства более тонкой духовной организации существ, обитавших, по его предположению, на других планетах, имеющих более высокую, чем у Земли, скорость суточного вращения, оно, как показало дальнейшее развитие психологии, имеет реальный человеческий смысл. Во-первых, само понятие «потребность во времени» открывает диахронный аспект исследования человеческой деятельности, поскольку ориентирует на анализ длительности и последовательности необходимых для достижения какого-либо результата действий, а это означает, что потребность в определенном предмете для своей реализации предполагает наряду с постановкой цели и выбором средств также и формирование потребности во времени, которая и выступает исходным моментом, влияющим на особенности дальнейшего использования и переживания времени в процессе деятельности. Во-вторых, предложенная для измерения величины данной потребности формула (прямая зависимость от объема необходимых действий и обратная – от скорости их исполнения) определяет принципиальную возможность психологической «растяжимости» времени, проявления существенных различий в индивидуальном переживании равных по хронологической длительности, но разнонаполненных деятельностью интервалов. Эту закономерность можно представить в следующей форме: чем выше напряженность деятельности, тем больше единиц психологического времени в одном и том же хро-

нологическом интервале, или же, по образному выражению А.П. Чехова: «Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, то ничего не делай» (Чехов, 1980, с. 79). В «Антропологии» Кант распространяет данную закономерность на переживание времени в масштабе человеческой жизни и дает «информационную» интерпретацию тому парадоксальному, на первый взгляд, факту, что человек, томившийся от скуки на протяжении большей части жизни, которому каждый день казался слишком длинным, в конце жизни жалуется на краткость жизни в целом. Кратковременность прошедшего объясняется отсутствием впечатлений, сохранившихся в памяти бездеятельного человека. Таким образом, прошедшее время «сжимается» по мере уменьшения информативности воспоминаний о прожитых годах. Время, однако, может и «растягиваться». В связи с этим Кант выдвигает интересную гипотезу о том, что в психологическом времени человек может и должен прожить значительно больше, чем по числу лет, именно в этом он видит путь к удовлетворенности жизнью: «Множество отрезков времени, которые выделяются в последний период жизни разнообразными и переменными работами, возбуждают у старика представление о том, будто он прожил гораздо больше времени, чем по числу лет; наполнение времени планомерно усиливающейся деятельностью, которая имеет своим результатом великую, заранее намеченную цель, – это единственно верное средство быть довольным жизнью и вместе с тем чувствовать себя пресыщенным

ею» (Кант, 1966, с. 477).

Таким образом, насыщение будущего значимыми целями является предпосылкой насыщения настоящего деятельностью, что в свою очередь приводит к наполненности прошлого информативными воспоминаниями. Так, согласно Канту, достигается полнота переживания человеком времени и вместе с тем удовлетворенность жизнью. Это становится возможным на основании способности воспроизводить прошедшее и будущее в настоящем в процессе «ассоциации представлений прошедшего и будущего состояния субъекта с его настоящим состоянием... чтобы то, чего уже нет, соединить в связном опыте с тем, чего еще нет, посредством того, что существует в настоящее время» (там же, с. 419). Взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего Кант (в соответствии с присущим его философской системе пониманием времени как субъективной реальности) рассматривал лишь применительно к человеческому опыту, к психологическим механизмам индивидуального сознания. Для него не существует проблемы соотношения объективного и субъективного (психологического) времени, а лишь проблема соотношения времени в различных формах восприятия явлений. Поэтому последовательная научная концепция психологического времени не могла быть создана Кантом, хотя его конкретные наблюдения и выводы, касающиеся специфики субъективного отражения времени, имеют ценность и в настоящее время. Достаточно указать на продуктивную раз-

работку проблемы потребности во времени как важнейшего компонента психологического времени (Сэв, 1972, с. 480–481), пространственной трехмерной интерпретации психологического времени, которая впервые появляется именно у Канта как сосуществование временных модусов (Моисеева, Сысцев, 1981; Яковлев, 1980; Cottle, 1976). И наконец, Кант впервые предпринял попытки научного объяснения проблемы изменения субъективной скорости времени в различных условиях функционирования психики, связав ускорение или замедление времени с разнообразием или монотонностью деятельности (Кант, 1966, с. 398–399).

В решении вопроса о соотношении прошлого, настоящего и будущего Кант следует за Августином, который посредством субъективизации времени, его отождествления с протяженностью человеческого духа пытался преодолеть свойственное античной философии представление о том, что прошлого уже нет, будущего еще нет, а реален лишь момент их взаимоперехода – настоящее. Августин считал необходимым признать пребывание прошлого и будущего в настоящем, их сосуществование. В связи с этим он употреблял понятия «настоящее», относящееся к вещам «прошлого», «настоящее», относящееся к вещам «будущего», и «настоящее», относящееся к вещам «настоящего» (Антология... 1969, с. 587). Каждому из этих временных модусов соответствовал определенный психологический механизм: воспоминание, ожидание, созерцание, благодаря взаимодействию

которых время предстает как целостность в сознании человека. Кант с этой же целью соотносит способности вспоминать и предвидеть как условия формирования временной связи восприятий настоящего (*Кант*, 1966, с. 418–419).

Глубокое диалектическое обоснование идеи временного единства психики находим у Гегеля при анализе им проблемы перехода субъекта в процессе познания от стадии чистого созерцания к формированию представлений. Как известно, Гегель критиковал субъективизм Канта в понимании пространства и времени и рассматривал пространственность и временность присущими вещам самим по себе, однако в самом «звучании» этих слов усматривал указание на ограниченность материальных форм, которая преодолевается в процессе самореализации духа. «Познающее мышление, – подчеркивал Гегель, – не задерживается на этих формах, а постигает вещи в их понятии, содержащем внутри себя пространство и время, как нечто снятое» (*Гегель*, 1956, с. 250). В связи с этим пространственность и временность, открывающиеся субъекту на стадии чистого созерцания, выступают формами внеположности духа. Однако, когда созерцание переходит в представление, оно не становится только прошедшим, в снятом виде оно присутствует и в настоящем. Гегель иллюстрирует эту мысль следующим примером: «я это видел» в немецком языке буквально значит «я имею это виденным». В связи с этим он приходит к выводу, что данными словами «выражается отнюдь не только прошедшее, но вме-

сте с тем и настоящее; прошедшее является здесь лишь относительным, – оно имеет место только при сравнении непосредственного созерцания с тем, что мы в данный момент имеем в представлении» (там же, с. 253). Важнейший момент здесь – указание на относительность прошлого, с одной стороны, как уже прошедшего и невозвратимого, а с другой – как реального, снятого в настоящем содержания сознания и деятельности человека.

Хотя диалектика последовательности и сосуществования интерпретировалась Гегелем идеалистически, она стала одним из источников формирования марксистских взглядов на специфику структуры человеческой жизнедеятельности, на время как «пространство человеческого развития» (*Маркс*, 1959, т. 16, с. 147).

Марксистский анализ диалектики необходимости и случайности, возможности и действительности позволил рассмотреть соотношение прошлого, настоящего и будущего в их реальной взаимосвязи, преодолеть крайности механистического детерминизма и телеологизма в решении данной проблемы. Объективный характер этой взаимосвязи обусловлен тем, что прошлое и будущее действительны не в памяти и воображении субъекта, а в том, что материальные процессы, осуществленные в прошлом, определяют предметность настоящего, которое содержит реальные возможности направленного становления в будущем. Поскольку диахронная картина действительности, формирующая

ся в сознании субъекта, определяется не его произволом, а прежде всего объективными условиями и содержанием практической деятельности, открывается возможность научной постановки проблемы временного единства человеческой деятельности и сознания. Таково решение марксистской теорией проблемы целеполагания: цель как идеальный, желаемый образ будущего обретает действительность в настоящем в той мере, в какой возможна ее реализация в конкретных условиях жизнедеятельности субъекта.

Таким образом, раскрывая взаимосвязь объективного и субъективного в социальном времени на основе понимаемого диалектически единства социального и индивидуального, марксистская философия создает предпосылки для решения проблемы психологического времени, являющегося, с одной стороны, разновидностью времени социального, обусловленного объективной структурой и содержанием социальной деятельности индивида, а с другой – временем, обретающим конкретную форму и специфические свойства благодаря функционированию психологических механизмов, связанных с познавательными и эмоционально-волевыми процессами, актуализирующимися в сознании под воздействием психологических состояний и достаточно устойчивых индивидуально-психологических свойств личности.

Разработка проблемы социального и психологического времени в философии, становление психологии как самостоятельной науки подготовили почву для развития конкрет-

но-научных исследований временных отношений в психике человека. Следует также отметить, что к моменту возникновения первых психологических лабораторий усилиями физиологов (Гельмгольца, Дондерса, Экснера и др.) было доказано: психологические процессы характеризуются определенным временем реакции, которое включает время проведения нервного импульса как физиологический компонент и время задержки ответа на стимул, обусловленное механизмами переработки информации, поступившей в мозг. Был создан специальный прибор – хроноскоп Гиппа, фиксировавший время реакции испытуемых на раздражители с точностью до тысячных долей секунды (*Ярошевский, 1976, с. 215–217*). Эти исследования оказали существенное влияние на первые шаги экспериментальной психологии, в рамках которой были предприняты попытки связать закономерности, выявленные при измерении времени реакции, со спецификой различных психических процессов. Работы Н. Ланге по анализу двигательных и сенсорных реакций показали зависимость продолжительности времени реакций от уровня психической деятельности; измерение времени реакции в ассоциативном эксперименте использовалось Гальтоном и Вундтом для изучения мыслительных процессов, поскольку предполагалось, что различия во времени, необходимом для установления тех или иных словесных ассоциаций, позволяют судить об особенностях формирования представлений, соответствующих различным типам ассоциаций. Хотя

эвристические возможности хроноскопических исследований оказались крайне ограниченными при изучении высших психических функций, благодаря им время прочно утвердилось в молодой психологической науке как существенный фактор психической деятельности индивида и стало объектом экспериментального изучения. Однако анализ времени реакции не привел непосредственно к постановке проблемы психологического времени, поскольку в его основе лежало традиционное представление о времени как чистой хронологической длительности, выступающей внешним количественным эквивалентом внутренних процессов.

Специфические закономерности психологического времени стали наглядно проявляться при экспериментальных исследованиях слухового восприятия. Давно было замечено, что, хотя последовательные элементы звукового ряда не могут быть одновременно представлены в сознании индивида, тем не менее это не сказывается на целостности восприятия мелодии или определенного ритма. Опыты с метрономом, проведенные в лаборатории Вундта, показали, что в актуальный объем сознания входит не один звуковой элемент, а некоторый ряд, образующий целостный слуховой образ. Продолжая эти эксперименты, Титченер пришел к выводу о том, что альтернатива последовательности и одновременности, существующая в физическом времени, должна быть пересмотрена применительно ко времени психологических процессов. Действительно, несколько единиц зву-

кового ряда последовательны в том смысле, что идут друг за другом в определенном порядке, доступном восприятию, вместе с тем они одновременны, поскольку образуют целостную структуру слухового образа. В связи с этим Титченер выдвигает предположение о существовании двух измерений психологического времени – последовательности и одновременности, образующих единое временное поле определенной длительности.

Научная постановка проблемы психологического времени уже на первом этапе развития психологии как самостоятельной науки потребовала изучения генезиса временных представлений в их связи с формированием пространственных представлений. Попытка английских ассоционистов во главе со Спенсером обосновать первичность временных отношений в эволюции пространственно-временной структуры человеческого сознания не получила широкого признания. Более убедительной была позиция тех психологов, которые считали, что временные представления исторически и онтогенетически формируются на основе пространственных. М. Гюйо приводит многочисленные аргументы в пользу данной концепции в монографии «Происхождение идеи времени», сыгравшей значительную роль в изучении времени как психологической проблемы. «Желать подобно Спенсеру построить пространство с помощью времени, – пишет М. Гюйо, – следовательно, впасть в противоречие с истинными законами эволюции, ибо, напротив, лишь с помощью про-

странства мы приходим к представлению времени» (Гюйо, 1899, с. 24). В дальнейшем пространственный характер первичных временных представлений был подтвержден в психологических и культурологических исследованиях. Так, Ж. Пиаже показал, что сравнительные оценки времени движения двух объектов у детей младшего возраста формируются не на основе объективного соотношения длительностей этого движения, а посредством сопоставления скорости их движения или протяженности отрезков пространства, пройденных объектами за данное время (Piaget, 1966). Лишь постепенно в сознании ребенка формируется абстрактное представление о длительности безотносительно к пространственным измерениям движения различных объектов (Мардер, 1974, с. 97).

Анализ временных отношений в структуре мифологического сознания также свидетельствует о пространственности временных понятий, свойственных традиционным культурам (Гуревич, 1972, с. 84); эти пространственные представления до сих пор сохраняются во временной лексике (Стеблин-Каменский, 1976, с. 43).

Было бы, разумеется, неправильно, исходя из вышесказанного, считать, что специфика психологического времени может быть сведена к пространственным представлениям. Психологическая наука второй половины XIX века сделала важный шаг в исследовании психологического времени как самостоятельной научной проблемы. Практически неиссле-

дованным, однако, оставался вопрос об уровнях и масштабах индивидуального времени. Эксперимент как объективный метод изучения психики применялся в лабораторной ситуации и был направлен на выявление элементарных механизмов восприятия, памяти, внимания. Хотя и в этих условиях проявлялась специфика времени психических процессов, это было лишь время непосредственного, ситуативного переживания. Методов же изучения социально-культурного содержания и структуры сознания личности, за исключением различных модификаций интроспекции, не существовало, а потому было невозможно экспериментально обосновать или опровергнуть выведенные в процессе самонаблюдения закономерности психологического времени личности в масштабах, выходящих за пределы непосредственного переживания, и раскрыть механизмы, лежащие в основе этих закономерностей.

В изучении общих закономерностей психологического времени не было открытий, речь шла скорее о новых формулировках известных истин. Хотя П. Фресс считает, что в этот период были открыты следующие законы: «Чем больше стареешь, тем короче кажется время» (Джемс) и «Всякий раз, когда мы обращаем наше внимание на течение времени, оно кажется длиннее» (Вундт) (Фресс, 1978, с. 115, 123), однако указанные закономерности в несколько иной формулировке мы встречаем в работах Канта (1966, с. 475–477). Существует мнение, что Джемс впервые обратил внимание

на тот парадоксальный факт, что отрезки времени, не заполненные впечатлениями, тянутся очень медленно, но при воспоминании о них кажутся быстро промелькнувшими, тогда как время, заполненное разнообразной деятельностью, проходит незаметно, но в дальнейшем оценивается как весьма длительное (Джемс, 1905, с. 239). И здесь приоритет принадлежит Канту, предполагавшему, что такого рода явления можно объяснить различиями в количестве впечатлений, сохранившихся в памяти о разно-наполненных событиями интервалах времени.

М. Гюйо выдвигает гипотезу о том, что длительность субъективно измеряется количеством (а не хронологической продолжительностью) ощущений, и в доказательство приводит данные наблюдений над измерениями длительности сновидений, которые могут быть хронологически весьма кратковременными, а субъективно оцениваться как более продолжительные, что, по его мнению, связано только с количеством событий, составляющих содержание сновидения (Гюйо, 1899, с. 57). Исходя из этого, он делает справедливый вывод о том, что механизмы субъективного измерения длительности нельзя считать априорными, в чем усматривает решающий аргумент против априористской концепции времени Канта (*там же*, с. 58). Однако, как мы видели, Кант также связывал оценки длительности с количеством впечатлений, что не мешало ему считать время априорной формой чувственного созерцания. Противоречивость позиции Кан-

та в постановке проблемы времени общеизвестна, однако в данном случае она свидетельствует о том, что Кант-ученый не всегда следовал за Кантом-философом. Это позволило ему в области исследования психологического времени обнаружить закономерности, к которым более чем полстолетия спустя пришли психологи.

Почему же психология того периода, достаточно четко уяснив специфику психологического времени в сравнении со временем физическим, оказалась не в состоянии сделать шаг вперед в открытии новых закономерностей и исследовании механизмов формирования временных переживаний и концептуальных представлений личности? Главная причина заключалась в том, что в сфере исследования психологии личности господствовал субъективный метод, сторонниками которого были Вундт, Титченер, представители вюрцбургской школы, твердо убежденные в том, что иных путей изучения человеческого сознания, а следовательно, и осознания личностью временных отношений, не существует. Хотя в психологии начал утверждаться объективный метод исследования психической деятельности, его возможности были ограниченными, поскольку фиксируемые в эксперименте связи между актами сознания и поведения индивида не подкреплялись теоретическим осмыслением этих явлений с позиции диалектического единства внешних форм активности и внутренних психических процессов, формирования психики в практической деятельности человека. В силу этого

некоторые попытки материалистического объяснения особенностей переживания времени человеком на основе анализа объективных физиологических процессов и двигательной активности человека (И.М. Сеченов) не могли получить широкого распространения в психологии того периода.

В результате того что психологи-экспериментаторы не смогли объяснить механизмы формирования временных представлений личности, в конце XIX – начале XX века широкое распространение приобрели концепции времени, выдвинутые Дильтеем и Бергсоном. Позиции этих философов сходны в том, что «оба противопоставляют время как реальность, фиксируемую внутренним чувством и данную непосредственно, “абстрактному времени” математики и естествознания» (Гайденко, 1969, с. 241). Такой подход сыграл важную роль в окончательном утверждении идеи о нетождественности физического времени и времени, данного в переживании. Однако различие это усматривалось в том, что время в физическом смысле есть абстракция, реально же оно лишь как феномен жизни и сознания. Дильтей и Бергсон отрицали возможность объективного рационального познания времени. Проникнуть в его сущность человеку помогает, согласно Бергсону, творческая интуиция, основанная на единстве механизмов памяти и восприятия, в результате чего формируется переживание длительности: «мгновение настоящего, будучи всегда переходом, неуловимой границей между непосредственным прошлым, которого уже нет, и непо-

средственным будущим, которое еще не наступило, обратилось бы в простую абстракцию, если бы именно не существовало подвижного зеркала, беспрерывно отражающего восприятие в виде воспоминания» (Бергсон, 1915, с. 105).

Для Дильтея главным в проблеме времени было познание не связи прошлого и настоящего как чистой длительности, а социально-культурного, исторического содержания этой связи. Поэтому он считал, что время не может быть познано в рамках объяснительной психологии, построенной по образцу естественных наук, поскольку она стремится «конструировать такие великие длительные связи, как пространство, время, причинность, из некоторых ею изучаемых элементарных процессов ассоциации, слияния, апперцепции» (Дильтей, 1980, с. 273). Постигнуть время как «живую связь души» в ее становлении и развитии возможно, по его мнению, лишь в рамках описательной психологии. Если в объяснительной психологии уместен экспериментальный метод, то описательная психология может быть построена на основе метода «понимания», предусматривающего «понимание чужой человеческой душевной жизни», а также «пользование предметными продуктами психической жизни».

Кроме интуитивизма Бергсона и философии жизни Дильтея, проблема времени в его человеческом смысле и содержании активно разрабатывалась в феноменологии Гуссерля и экзистенциализме Хайдеггера. Важнейшим моментом этих концепций была окончательная субъективизация времени,

отождествление его единства в прошлом, настоящем и будущем с временным единством сознания (Лой, 1978; Гайденко, 1965]. Феноменологизация времени отчетливо проявилась в западной психологии, когда предметом исследования в ней стало психологическое время личности в масштабах, выходящих за пределы ситуативного переживания. Само понятие «горизонт бытия» как характеристика временности сознания сыграло важную роль в разработке понятий, отражающих основные характеристики психологического времени в биографическом масштабе: временная перспектива, временной кругозор, временная ориентация личности.

2. СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ СИТУАТИВНОГО МАСШТАБА – К БИОГРАФИЧЕСКОМУ

Первые десятилетия XX века, казалось бы, подтвердили скептическое отношение Дильтея к возможностям объяснительной психологии в исследовании проблемы времени. Начатые в прошлом столетии исследования по восприятию и оценке длительности коротких интервалов, задаваемых стимулами различной модальности, продолжались. В связи с этим удалось установить, что диапазон непосредственно воспринимаемых длительностей не превышает двух секунд, в нем существуют зоны качественно различного восприятия, причем недооценка или переоценка длительности зависит от модальности стимула, его параметров и особенностей предъявления (по: *Фресс*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.